

Борьба с коррупцией в Устьянских волостях XVI–XVII веках

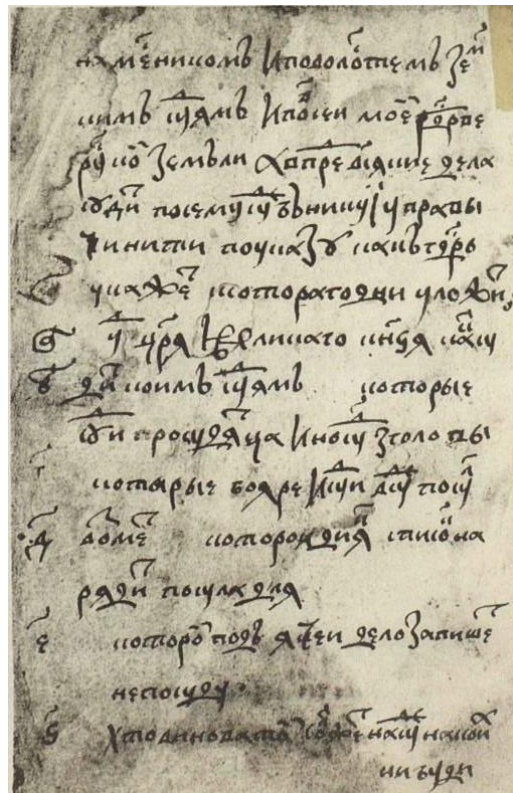
Коррупция (от лат. *corrumpere* – портить) – использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам.

В древней Руси управление территориями из Москвы осуществлялось по принципу «кормления», когда представители верховной власти, осуществлявшие на местах суд и сбор налогов, содержались за счёт местного населения. Не являлись исключением и Устьянские волости. Сохранились имена отдельных «волостелей», которые являлись полномочными представителями верховной власти, проживая и «кормясь» в Устьянских волостях. В мировой грамоте от 20 мая 1537 г. крестьян Чадромской волости содержится упоминание об осуществлявшем суд волостеле Федоре Федоровиче. В мае 1538 года была выдана жалованная и кормленая грамота Ивана IV Василию Матвееву Брехову сыну Вышеславцева на волости Устьи реки и Заячьей в Устюге с правдой [с правом суда] под Фендриком Вороновым. А в 1539 году уже сам волостель Фендрик Воронов, согласно челобитию устьянских крестьян, «истерял» их прежнюю жалованную грамоту, выданную отцом Ивана Васильевича IV Грозного великим князем Василием Ивановичем.

При таком способе правления, связанном с субъективными действиями представляющих власть лиц, возрастал риск произвола и неправосудных решений. В результате царь Иван Васильевич IV Грозный выдал устьянским крестьянам 11 сентября 1539 года очередную уставную жалованную грамоту, регулировавшую «корм» и повинности волостелю.

Рассмотрим отдельные положения уставной грамоты 1539 года и обратим внимание на ключевые вопросы взаимоотношений волостеля и местных крестьян, которые требовали верховного регулирования. В грамоте говорится: «Да въезжего корму урочною на тех волостках волостелю нет, кто что принесёт, то ему взяти». То есть отменялись ранее приносимые населением правительственному чиновнику обязательные «подъёмные» деньги, в отношении определения размера которых возможен был произвол, а оставались одни собираемые по уставной грамоте налоги, размер и объем которых строго фиксировался.

Ограничивались также и натуральные повинности. Для волостеля устраивался в каждой волости специальный стан, ему запрещалось «ставиться» на крестьянских дворах. Даже князьям, боярам, ратным воеводам и всяким ездокам в волостях запрещалось «*сильно ставиться*» и «*имать*» у крестьян «*кормов*», подвод и проводников. В случае же необходимости остановиться на крестьянском дворе князя, бояре, ратные воеводы и все ездоки должны были покупать корм себе и лошадям по установленной хозяином цене. Доводчик –

должностное лицо, которому приходилось часто ездить по судебным делам и останавливаться у крестьян, должен был ездить только по делу и не злоупотреблять гостеприимством – только с помощником без лишних лошадей и борзых собак, *«а где доводчик обедает, и он тутю не ночует, а где ночует, и он тутю не обедает, опричь того, где деревня от деревни будет далече»*.

Из уставной грамоты видно, что ранее *«волостелины и боярские люди»* любили также самозванно ездить к крестьянам на праздничные застолья. Теперь это строго запрещалось: *«А волостелины люди и боярские, ни иные ни которые к ним [крестьянам] на пиры и на братчины незваны не ездят; а кто к ним на пир или братчину приедет незван, – и они того вышлют вон безпенно, а не пойдёт вон, а учнёт у них пить сильно, а учинится у них тутю какова гибель [убыток], и тому та гибель платити вдвое без суда и без исправы. А от меня, от великого князя, быти ему в казни и в продаже [под угрозой наказания, штрафа]»*.

Дополнением 1553 года к данной уставной грамоте запрещались волостелю также взятки: *«посулов [обещанного вознаграждения] волостелю и его тиуну и их людям не имати»*.

Предназначались к изъятию в пользу государя (государства) только судебные пошлыны, размер которых определялся законодательно. *«И на государя своего тиуну и пошлыннику никому посулов от суда не просити, а имать волостелю от суда пошлын»*.

Тем не менее злоупотребления властью не прекращались, в результате чего царем и великим князем Иваном Грозным была осуществлена в середине XVI века земская реформа, возлагавшая ответственность за суд и сбор налогов на избираемых представителей местного самоуправления.

По жалованной грамоте, выданной крестьянам Устьянских волостей 15 октября 1555 года, отменялась власть волостелей и вводилась власть *«излюбленных [выбранных] старост»* (или – *«судей»*), *«от которых бы им [крестьянам] продаж, и убытков, и обиды не было, и рассудити бы их умели в правду безпосульно и безволокитно»*.

Волокита – искусственно создаваемая судебная проволочка и связанные с ней расходы. По судебным делам приходилось *«волочиться»* в буквальном смысле – пешком, а затем подолгу жить на чужих дворах. Угроза волокиты принуждала обе стороны процесса незаконно убыстрять ход дела, желание же дополнительного вознаграждения со стороны коррумпированного судьи провоцировало создание волокиты. В Москву поступал вал челобитий и жалоб: *«нам от крестьян челобитья великие и доука беспрестанная, что намес[т]ники, и праветчики, и их пошлынные люди сверх нашего жалованья указу чинят им продажи и убытки великие; а от наместников и от волостелей, и от праветчиков, и от их пошлынных людей нам доука и челобитья многие, что им посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются и кормов им не платят и их бьют; и в том меж их поклёпы и тяжбы великие, да оттого на посадех многие крестьянские дворы и в уезде деревни и дворы позапустели, и наши дани и оброки сходятся неполна»*. В результате царь как верховный

законодатель решил, что в том случае, если суд и сбор налогов будет осуществляться на месте избираемыми и ответственными перед людьми должностными лицами, взятки и волокиты, а следовательно и ему «докуки» [беспокойства], будет меньше, и казна от этого только выиграет.

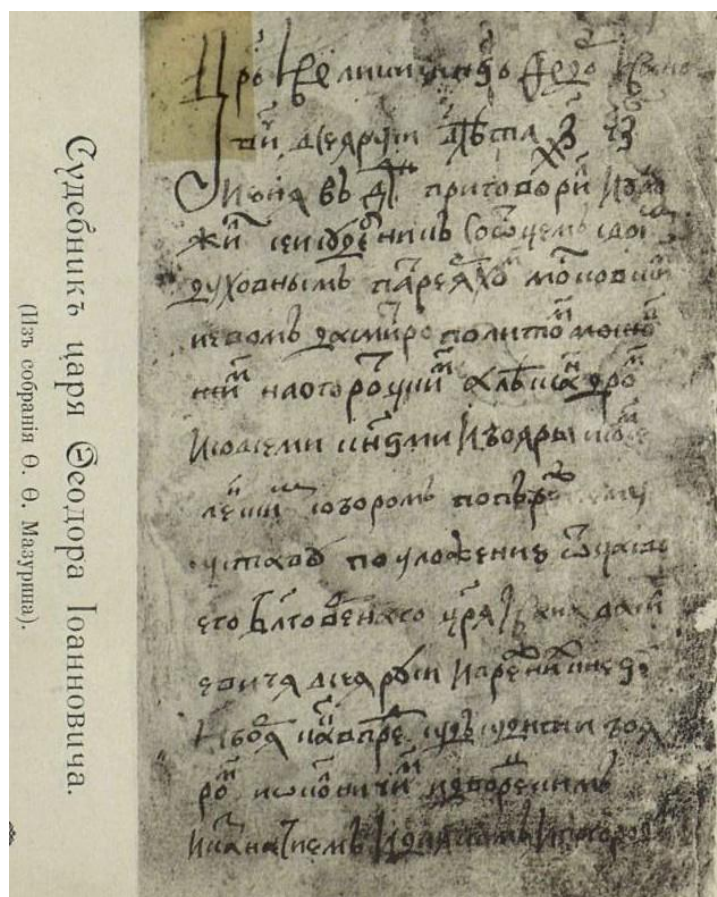
Но нельзя было позволить коррупции спуститься на местный (говоря современным языком – муниципальный) уровень. В уставной грамоте 1555 г. было сформулировано требование уже к «излюбленным судьям»: «другу им, и роду своему, и племени в суде не норовити, а недругу не мстити, и посулов [незаконного обещанного вознаграждения] и поминков [незаконного вознаграждения по факту] не имати ни у кого ни от чего некоторыми делы...». За нарушение норм антикоррупционного законодательства полагались смертная казнь и конфискация имущества в пользу истцов и лиц, уличивших чиновников в должностном преступлении: «тех судей и целовальников казнити смертною казньою без отпросу; а животы их [нажитое имущество] и статки [имущество, унаследованное и оставленное в наследство] взяти да раздати истцам, а досталь [остальное] тем людям, кто на них наведёт». За исправный сбор налогов с крестьян и исполнение требований антикоррупционного законодательства, наоборот, предполагалось личное освобождение должностных лиц от налогов и поощрение от царя: «мы с их деревень, что за ними пашины, пошлин и податей всяких имати не велим, да и сверх того их пожалуем».

Жесткие нормы антикоррупционного законодательства были закреплены и в первых статьях Судебника Устьянских волостей 1589 года.

ст. 1: «[земским судьям] а в суде другу [им, и роду своему, и племени в суде не норовити, а недругу] не мстити, а посулов не имати в суде; а на том велити судьям крест целовати, что посулов не имати, а судити в правду».

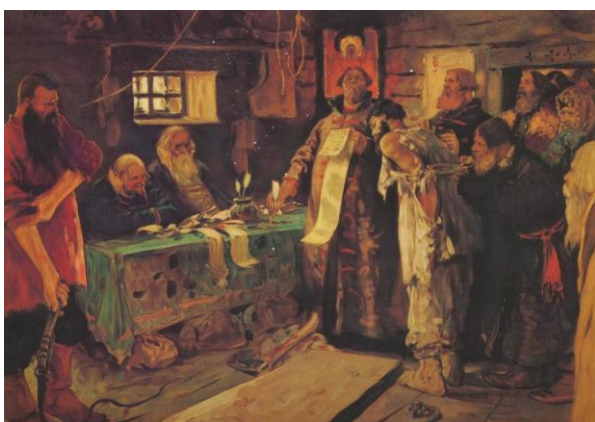
ст. 3: «Которой... судья, или дяк, или целовальник в суде посул возьмёт, а повинит кого не по суду, а същут, что посул взяли, – и на том... дяке и на судье взяти исцёв иск, и пошлыны на ц[а]ря г[осу]д[а]ря, и езд [расходы на проезд], и правда [пошлыны за вызов свидетелей], и пересуд, и правой десяток [пошлина за пересмотр дела] и пожелезное [пошлина за взятие под стражу или содержание в оковах] на том взяти втрое, кой посул взял».

ст. 4: «Которой дяк список нарядит [сфальсифицирует протокол судебного заседания] или речи переписет не так, как на суде говорили истец и ответчик, или список подпишет без... судьина ведома, а същут, что он посул взял, а список нарядил, – а на том дяке половина

исцёва иску, да его бити кнутом да отставити от дьячества, а руки ему не сетчи; а другая половина взяти иску на судие [судье], потому что, знаючи дьяка лжива, почто с ним судит».

А кто мог осудить судью, если он был в Устьянских волостях высшим должностным лицом? Судья мог понести и ответственность перед очередным составом суда, поскольку избирался вместе с другими должностными лицами в Устьянских волостях только на один год. Закрепляемая законодательно сменяемость власти была краеугольным камнем антикоррупционного законодательства. Дьяки [писцы] как наиболее грамотные люди могли работать неограниченный срок, но штраф, телесное наказание и пожизненный запрет на профессию при ежегодной сменяемости судебной коллегии, а с другой стороны заслуженный авторитет за исправное ведение дел в волости уберегали, по-видимому, от соблазна нарушить закон. Ранее же, как видно из статьи 4-й, дьяку за фальсификацию документов вообще отрубали руку (видимо, ту, которой он писал).

В Смутное время самоуправление в Устьянских волостях было частично ликвидировано. Политика верховной власти стала осуществляться посредством представителей приказа [своего рода, министерства по делам] Устюжской четверти, находившегося в Москве – «приказных людей».

Вместе с назначаемыми в Устьянские волости проводниками политики правительства вернулись и тяжёлые злоупотребления властью. Так, в 1620 г. «приказной человек» Федор Кривцов хотел завести

таможню и писал в Устюжскую четверть, что в Устьянских волостях есть торги. Устьянские крестьяне докладывали в челобитной, что Кривцов пишет на них ложно, поскольку они находятся далеко от торговых путей, не имеют торжков и даже между собой не ведут никакой торговли. С.Б. Веселовский утверждал, что устьянцы были правы, поскольку и до конца XVII века у них не было таможни (Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 109–110).

Следующий «приказной человек» Никифор Талызин «навалил», по выражению устьянских челобитчиков, «лишние» выти [произвольно увеличил базу поземельного налога], в связи с чем посoshное обложение возросло для них более чем в три раза. Интересно, что крестьяне семи деревень Введенского стана в 1621 г. даже судились с Н. Талызиным и искали на нем «переплатных денег» 22 рубля с полтиною да «убытков» 50 рублей 17 алтын 2 деньги (Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М., 1983. С. 392).

В результате «сыска» очередного «приказного человека» Федора Вахромеева в 1621/22 г. с устьянцев других пяти других деревень Введенского стана за «завытные» сенные покосы взыскали лишние 16 рублей 17 алтын 2 деньги.

В 1621 году повышение налогообложения и произвол «приказных людей» вынудили устьянских крестьян совместно с устюжанами искать заступничества у царя, но... не вполне законными методами: «В нынешнем во [7]129-м [1621-м] году приехали ко государю царю и

великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси к Москве з денежною казною из городов с Устюга Великого и з Устьянских волостей целовальники, а к думному дьяку Томилу Луговскому привезли в посулах устюжане сто рублей денег, три кубка серебряны, два перстня золотых, один с яхонтом, **Устьянских волостей крестьяне привезли пятьдесят рублей денег да сорок куниц, тысяча белки**. И думной дьяк Томило Луговской тех посулов у них не взял, а сказал про то государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси, и государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси и великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси указали те деньги и кубки, и перстни, и куницы, и белку взяти в свою государскую казну, и у устюжан и у устьянцов деньги и кубки, и перстни, и куницы, и белка взяты. И мая [мая] в... день кубки и перстни, и куницы, и белка отослана на Казенной двор, а деньги сто пятьдесят рублей... принес от думного диака от Томилы Луговского з двора молодой подьячей Михайло Валошенинов» (*Веселовский С. Б. Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 385–386*). Таким образом, дьяк Устюжской четверти Томило Луговской не принял незаконного вознаграждения, а передал все ценности в царскую казну. Просители не были наказаны за попытку дачи взятки, а подарки в денежном выражении, скорее всего, были зачислены им в уплату налогов.

8 сентября 1622 г., по челобитию устьянских крестьян, которые жаловались, что *«от тех приказчиков [приказных людей] чинятся налоги и убытки и в посулах и в кормах продажи великие, и от тех приказчиковых налог и насильств, и от посулов они, крестьяне, оскудели и наших податей им платити нечем, и хотят брести врознь»*, им была выдана очередная царская жалованная грамота. Была введена власть местных «излюбленных судей»: *«и мы тех их излюбленных судей велим и к целованью привести, что им Устьянских волостных людей судити и управа чинити по Судебнику и по уставной грамоте, как есмя уложили о суде во всей земле, обыскивая вправду, по нашему крестному целованью, беспосульно и безволокитно»*. Повторялось антикоррупционное уставное определение жалованной грамоты 1555 г. и Судебника 1589 г.: *«а другу им, и роду своему, и племени в суде не норовити, а недругу не мстити, и посулов и поминков не имати ни у кого, ни от чего никоторыми делы»*.

Приказ Устюжской четверти, находившийся в Москве, наделял местных должностных лиц правом сбора налогов и обещал не чинить коррупционных препятствий: *«а дьяки наши тот оброк емлют у них беспосульно и с Москвы спущают безволокитно»*.

Повторялись и санкции жалованной грамоты 1555 г. в отношении допустивших коррупцию чиновников: *«и тех судей и целовальников велит государь казнити смертною казнью, а животы их и статки велим взяти да раздати истцам, а досталь тем людям, кто на них доведёт», и обещания наград тем, кто будет придерживаться законодательства: «и мы с их деревень, что за ними пашины, пошлин и податей всяких имати не велим, да и сверх того их пожалуем»*.

Проверкой на прочность устьянского самоуправления было знаменитое дело посланного из Москвы для переписи дворов дворянина Дмитрия Овцына **1635 г.** В июле – августе 1635 г. устьянцы самостоятельно собирают требуемые Д. Овцыным деньги, только с количества дворов, указанных по описанию 1564/65 г., обосновывая свою правоту жалованными грамотами

1622 и 1625 гг. Поскольку, как покажут последующие описания Устьянских волостей, количество дворов в них изрядно увеличилось за 70 лет, крестьянам было выгодно высчитывать сумму, исходя из прежнего описания. С другой стороны, сокрытию реального количества дворов благоволил и сам переписчик, который, по выражению М.М. Богословского, *«не знал сдержки ни своим рукам, ни своим аппетитам»*. (Богословский М.М. Земские челобитные в древней Руси: (Из истории земского самоуправления на Севере в XVII веке) // Богословский вестник. 1911. Т. 1. С. 235.) В Шангальской сошке Введенского стана Овцын насчитал всего 56 (!) дворов, тогда как по переписи 1646 г. в ней было 240 одних только крестьянских и бобыльских дворов, т.е. цифры были занижены более чем в 4 раза. Видимо, устьянские крестьяне имели основание полагать, что Д. Овцын пишет дворы *«не по государеву указу»*, а *«своим самовольством»* и, видимо, были правы в том, что имели место *«посулы, и кормы, и поминки великие»*.

Вызывали возмущение и другие неприглядные факты, связанные с пребыванием дворянина в Устьянских волостях, которые напомнили местным крестьянам произвол «приказных людей», а то и волостелей XVI века. Обвинения Д. Овцына в злоупотреблениях со стороны устьянских челобитчиков занимают не одну страницу писчего текста: *«имали у нас корму на день по пяти рублей. <...> И справили на себя на приезде пятьдесят рублей, и велели про свой к нам приезд пива и вина варить. И прогоны на нас справили с сошки с малые по полтора рубли, и имали подводы. ...писчего имали з дворца по гривне»; «и приехав, взяли у нас списки с сотных и сотные к досмотру и к справке, и под сотные взяли семдесят рублей. ...взяли подводы многие Сысоевские и Наумовские и Старчевские деревень у всех крестьян и с седлы. Повозили и ездили немерно, и гоняли. И ...с того их немерново ездю кони примерли. А на достальных конях ехали до Чадромского погоста, и достальные кони проводники у них выкупали»; «доправил на себя на Шангальской сошке и на Ростовской волостке на крестьянех поминку по пятидесят рублей сверх твоих Государевых дворцовых денег. И доправил на нас прогонные деньги вдвое и памяти нам не дал» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. (1633 г.) № 37. Л. 322–323.). Переписчика устьянцы обвиняли в самозванстве и коррупционной направленности: *«ездете де вы по воровскому наказу, ставаясь с дьяком [Устюжской четверти] для своей корысти»* (Там же. Л. 296.).*

10 мая 1636 г. Д. Овцын привез в Москву *«переписные книги за своею рукой»*, но ему удалось переписать всего 1003 двора (согласно писцовой и межевой книге 1645/46 г., всех дворов в Устьянских волостях насчитывалось около 2000). Не удалось достичь Д. Овцыну и других целей своей поездки.

Не все правительственные чиновники могли сравняться по честности с Томилой Луговским и в самой Москве. «Посыльщикам приходилось заживаться подолгу в Москве благодаря известной медлительности московского правительственного механизма, в котором дела продвигались туго, а иногда совсем застревали. <...> Так напр. Устьянские волости ходатайствовали о сложении с них излишне наложенных сверх писцовых книг поборов с 1634 г. в течении многих лет. В 1640 г. посыльщик их С. С. Кубенин с тремя товарищами подали Бог знает которую уже челобитную государю по этому делу. Челобитная была прочитана “на верху” и сошла “с верху” с обычною в таких случаях пометою думного дьяка: “государь пожаловал, велел выписать и доложить себя, государя”. Но благосклонно принятое на верху челобитье застряло в приказе Устюжской четверти. Уже и докладная выписка, о которой гласила высочайшая резолюция,

была изготовлена в приказе и представлена управлявшему той четвертью дьяку П. Чирикову, но на том дело и остановилось. В течение двух месяцев, октября и ноября 1640 г. посылыщики подали государю одну за другою еще шесть челобитных о том же деле. Но, сходя сверху с такими же высочайшими резолюциями, все эти “подписные” челобитные не оказывали ни малейшего действия. Давно уже изготовленная выписка продолжала лежать перед дьяком П. Чириковым, который не обращал на нее никакого внимания и не докладывал ее государю. Что было причиной такой медлительности? Нередко, может быть, в таких случаях действовала та причина, на которую ясно указывает приведенное здесь письмо Заонежских посылыщиков: “здесь без денег делать нечего”. <...> Московский ходок от Чадромской Устьянской волости выдал расписку миру в том, что, уезжая в Москву он взял 6 руб. 12 алтын, чтобы уплатить государеву дьяку в счет предназначенных ему 50 рублей, да кроме того тому же дьяку “в куницы 40 алт. 4 ден. да подьячим в челобитье 2 р. 11 алт. без деньги”» (Богословский М. М. Земские челобитные в древней Руси: (Из истории земского самоуправления на севере в XVII веке) // Богословский вестник. 1911. Т. 1. № 1. С. 147–148)

Пришлось ввести местный налог «на разносы», «писчее» и «печатное», т.е. на практически легализованные взятки в Москве, без которых не двигалось никакое дело. В частности, таким образом устьянские крестьяне пытались добиться справедливого налогообложения.

Так, в **1638** году собрали «зборных мирских денег з Дмитриевские сошки по мирскому совету под двоесошную государеву грамоту на розносы государеву думному дьяку Ивану Афонасьевичу Гавреневу в доче[т] в двести рублев, да в тысячу белки по цене денгами в дочет в дватцать рублев, да в сорок куниц в дочет денгами в пятнатцать рублев. Да писчево подьячим, и печатного на государеву грамоту, и в рознос, и на всякие мирские розходы в дочет всех денег в двести в семдесят в полпята рубли [274, 5 р.] з Дмитриевские сошки у мирского зборщика взял, у Ларивона, восмнатцать рублев тритцать один алтын четыре денги. И за теми денгами на Москве бити челом Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу Всеа Русии всех Устьянских волостей с посылыщики вместе по мирским челобитным о двоесошной грамоте...».

Таким образом, борьба с коррупцией в Устьянских волостях в рассматриваемый период была сложной и упорной, но решить ее в рамках одних только Устьянских волостей было невозможно, поскольку она, «как ржа железо», пронизывала целиком всё государственное устройство.